

Барс

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Михаил Блатник

Ссылка на публикацию

Зимовать мне предстояло в одиночестве на царской даче моего друга. Царской он её называл потому, что дом был просторный, и летом в любую жару в нём

было прохладно, а зимой даже в лютые морозы и завирухи - уютно и тепло. Длинная саманная хата под красной черепицей с низкими потолками и небольшими полукруглыми окнами на все четыре стороны света стояла на пологом склоне. Очень похожая на длинный морской танкер, взбирающийся на покатую волну мертвой зыби, хата будто плыла к широкому шоссе. Её тёмные оконца глядели на людей доверчиво и в то же время с нескрываемой грустью. Да, некогда здесь было шумно и весело. Летом наезжали внуки и, пронзительно галдя, обседали древние шелковицы и низкорослые вишни. Звонкие голоса ребят летели далеко за околицу. А теперь село Грушевка будто вымерло. Только один дом на въезде по вечерам зажигает жёлтые огни окон. Там живёт сторож с женой и двумя взрослыми сыновьями. Зимой они охраняют несколько ближних домов, выкупленных горожанами под дачи. С наступлением холодов дачи запираются до весны, и воцаряются тишина и уныние. Редкая машина прошуршит по пустынному шоссе и опять пугающее безмолвие. Ныне осень пришла как-то сразу. Холод в одну ночь убил тепло бабьего лета, и раздел все деревья, кусты и огромный платан во дворе. Пышный наряд его теперь лежал на холодной земле. Лишь один бледный листик отчаянно трепыхался на самой верхней лозине. Цветистый убор бабьего лета сменил серый полусумрак осени. Небо опустилось до самой крыши и усердно поливало землю бесконечным моросящим дождем. Земля настыла, промокла, раскисла. Даже взрослое дерево теперь открыто плакало по недавнему теплу ясных дней. Оно роняло крупные прозрачные капли на ворох мокрых листьев под ним, горестно раскачивало голыми ветвями, и тягучим гулом жаловалось приземистому дому на непогоду. Полумрак теплой комнаты, жалобы платана, подвывание ветра, убаюкивали, клонили ко сну. Взгляд безучастно блуждал по округе. На дальнем лугу в сизой дымке скучал сиротливый стог сена. Напротив окна мокла пустующая собачья конура. Она страшила своим чёрным квадратом входа, который постоянно попадался на глаза. Только листва под платаном ещё радовала взгляд своим жёлтым блеском. Неожиданно листья зашевелилась. Ворох заметно осел. Я подумал, что это мне пригрезилось. Но листья вновь зашевелились. Любопытство отогнало дрёму. Неожиданно из листьев выбрался щенок. Вид у него был самый неблаговидный. С длинных ушей капала вода. Весь покрытый мокрыми кучеряшками, он был похож на новорождённого ягнёнка. Продрогший, сгорбленный, дрожа всем телом, щенок огляделся. Вокруг морось да вой ветра. Сырость и холод пронимали беднягу до костей. Покачиваясь, опасливо озираясь, он подошёл к будке и остановился в нерешительности возле пугающего чёрного входа. Принюхался. Всё было чужое, незнакомое. Конура уже давно пустовала. Её хозяин дожил свой собачий век и ещё прошлой осенью мирно почил от старости. Щенок робко заглянул в будку и, осмелев, юркнул в её темноту. В конуре было тепло. По всему полу валялись очёсы. Их было много. Малыш улёгся на сухую шерсть, свернулся в клубочек и заснул. Но блаженство длилось не

долго. Промокший до последней шерстинки, худой бродячий пёс тоже прибежал сюда погреться. Но отчаянный визгливый лай встретил пришельца. Бродяге ничего не оставалось, как глухо огрызнуться, и убраться восвояси. Я принёс щенку еду. Он долго недоверчиво рассматривал меня из будки. И только, когда я поставил котелок перед будкой и ушёл, он в один миг расправился с едой. Наутро мы встретились, как давние знакомые. Малыш высунул обсохшую пушистую голову и разглядывал меня, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую. И тут я заметил, что у щенка разорвано одно ухо. Рана была небольшая и уже хорошо затянулась. "Да, видать побывал в переделках", - заключил я. Весёлый, подвижный щенок быстро съедал всё, что я приносил ему в старом рыбацком котелке. И рос он, как говорят, на глазах. Прошла вьюжная зима. Холода и метели отступили. Повсюду зарябили проталины. Тропинки звонко захрустели под ногами прозрачными стекляшками лужиц. Солнце быстро подсушило бугорок возле конуры. В ясные дни на этом бугорке грелся крепкий подросток эрдельтерьера. Так у старой конуры объявился новый хозяин. Он не любил домашнее тепло. Всю зиму отчаянно охранял свою конуру, дачу и весь двор. Бродячие собаки больше не заходили во двор. Грозное рычание, громкий угрожающий лай отпугивали всех бродяг. Рослый, крепкий эрдель легко перепрыгивал через забор и преследовал особенно назойливых псов. За смелость и ловкость я дал ему кличку Барс. Это был настоящий охранник и преданный друг. Весна приходила быстро. Мартовские дни стояли солнечные, тихие. С каждым днём проталин на лугу пестрело всё больше. Они жадно поглощали ноздреватый снег. В один из таких дней я решил сходить на подледную рыбалку. За мной увязался Барс. Дальний пруд был длинный, узкий и глубокий. Там водились крупные окуни. Пористый лёд пожелтел и заметно отошёл от берега. По дряхлой деревянной кладке, сооруженной рыбаками в незапамятные времена, я добрался до середины ещё крепкого льда. Барс вёл себя беспокойно и не отставал ни на дюйм. Я сошёл на лёд, и улыбнувшись Барсу, с силой вонзил пешню в льдину. Внезапно раздался оглушительный грохот, будто над ухом пальнули из двустволки. Лёд лопнул во всю ширину пруда. Трещина быстро расширилась. Вода хлынула под ноги. Я поскользнулся и упал в ледяную воду. Пешня и снасти пошли ко дну. Но Барс каким-то чудом успел вцепиться в рукав моего ватника. Едва держась на хлипком мостике, он тяжело сопел, но рукав не выпускал. Отчаяние и холод сковали меня. Я беспомощно болтал тяжёлыми сапогами в обжигающей холодом воде. Свободная рука искала опору и скользила по кромке уходящей льдины. А Барс упрямо тащил меня из воды. Домой я возвращался промокшим до последней нитки, основательно продрогшим, но радостным и счастливым. Барс шёл рядом, как привязанный. Он опасливо озирался, боясь, чтоб я опять куда-нибудь не провалился. А чуть успокоившись, трусцой побежал впереди. - Хорошо, Барс! Хорошо!.. - прихваливал я. Отчего он резво забегал кругами, радостно

повизгивая, и звонко лаял, будто призывал пошевеливаться. Я послушно ускорил шаги. Дома я пригласил его зайти погреться. Но моё предложение ему не очень понравилось. Даже в лютые морозы он не любил этого. В сени он все же вошёл и покорно прилёг на пороге в кухню, словно понимал, что наследит своими мокрыми лапами. Жарко натопленная с вечера печь, дышала теплом. Но Барса это мало привлекало. Он полежал немного и запросился во двор. Вероятно, конура ему была родней, и он больше всего боялся её потерять. В начале июня неотложная командировка в Карелию прервала светлые дни нашей дружбы. Мы с другом договорились, что Барс до моего возвращения поживёт у него на даче. Но так решили мы, а не Барс. Он распорядился по-своему. С тяжёлым сердцем я покидал дачу. Пёс увязался провожать меня и никак не хотел возвращаться назад. Только после моей настойчивой команды: - "Охраняй дом!" - он неохотно вернулся к своей конуре. Я надеялся на скорое возвращение, но все перепутала жизнь. Она всегда впутывается в дела людские, когда ей вздумается. Командировка моя затянулась надолго. Из Карелии я приехал в середине августа. В суете и хлопотах два месяца промелькнули, точно один день. "А как же Барс?.. Что с ним?.. Какой он теперь?.." - волновали меня вопросы. Письма от друга были редкими и в лесную глухомань Карелии шли долго. Друг жаловался, что Барс плохо ест и целыми днями с тоской глядит на дорогу. И вот уже всё позади. Радость переполняла моё сердце. Воображение рисовало радужные картины встречи. Но едва успел я войти в свою квартиру, как тут же раздался звонок в дверь. Разносчик телеграмм, высокий вихрастый паренек, попросил расписаться за доставку депеши. В телеграмме было всего три слова: - "Срочно возвращайтесь. Авария". - "Опять проделки её величества ненасытной Судьбы..." - заключил я и, наскоро собравшись, поехал на завод оформлять новые командировочные документы. Там я узнал, что всё необходимое оборудование и материалы отправили ещё утром и заказали мне билет на ближайший поезд. До отправления состава оставалось несколько минут. Опять надолго прощаясь с милым мне городом, я стоял у окна вагона и любовался опрятным зданием вокзала с большими круглыми часами на фронтоне, и думал: - "Когда же теперь мы встретимся с Барсом?" На перроне суетились люди. Одни встречали и были рады встрече. У других по улыбкам и за добрыми пожеланиями сквозила грусть провожающих. Постепенно толпа редела. Торговцы-разносчики фруктов покидали горячий перрон и, шумно что-то обсуждая, толпились в чёрной тени здания. Послеполуденное солнце ещё крепко припекало. От раскалённого асфальта поднимались струйки горячего испарения. Воздух дрожал волнистой прозрачной дымкой, легко улетая в сизоватую высь к дымчатым, но заметно побелевшим облакам. "Скоро осень и снова я буду далеко от привычного тёплого бабьего лета, от любимых просторов равнины и от друга с его хлопотами в загородном доме..." Невесёлые думы тянулись, точно облака, по линялому от летнего зноя небу и лёгкая грусть делала меня безразличным ко всему, что

происходило вокруг. Опять обстоятельства не благоприятствовали мне. События и суетность всё перепутали. Я уезжал, не повидав друга, его уютную царскую дачу. Он ею очень гордился. 'Какой теперь мой Барс?.. Вероятно, ещё больше подрос и скучно ему без меня...' - размышлял я, равнодушно рассматривая затихающий перрон. Вагон со свистом выпустил воздух и слегка дёрнулся. Неожиданно, прямо перед моим окном, появилась собака. Крупный кобель породы эрдельтерьер присел на обжигающий асфальт и пристально посмотрел прямо в моё открытое настежь окно. Смешанное чувство тревоги, радости и опасения прервало мои размышления. - "Не может быть! - промелькнула мысль.- Ведь моя собака в тридцати километрах отсюда". Я огляделся. У окна я был один. От пристального взгляда собаки по моей спине пробежал холодок. Но сомнения таяли с каждой секундой. Мне показалось, что собака нашла именно того, кого давно искала. Я выбежал в тамбур. Проводник уже опустил посадочную площадку, подняв жёлтый флажок отправления. Состав, скрипя рессорами, покачиваясь, медленно покатился вдоль пустого перрона. Только одинокая собака ещё сидела в недоумении. Она будто ждала, что я выйду или покажусь у открытой двери тамбура. Колёса звонко цокнули по первым стыкам. Поезд покатился быстрее, заметно набирая скорость. Проводник, молодой человек с рыжеватыми усиками на загорелом круглом лице, уже готов был захлопнуть дверь. Но пока он прятал свой флажок в чёрный футляр, я успел выглянуть в открытую дверь вагона. Мысли путались в моей голове. Я очень боялся опоздать, хотя всё ещё никак не верилось в происшедшее. - Простите!.. От поезда отстали!.. - прохрипел я дрожащим от волнения голосом, отталкивая проводника, и придерживая дверь, чтоб она сама не захлопнулась внезапно. Собака бежала рядом. Глаза наши встретились. - Барс!.. Ко мне! - крикнул я во всю мощь лёгких. Скорость нарастала с каждой секундой. Собаке пришлось перейти на прыжки, длинные, мощные, напористые прыжки. " Только бы не отстать от вагона, откуда раздался знакомый голос и кличка, с которой он вырос и другой не знал никогда..." - единственная мысль сверлила мозг собаки. Колёса звонкими стуками по стыкам всё быстрее отсчитывали мгновенья. Оторопевший проводник, ничего не мог понять. Он глянул на меня подозрительно и отвернулся. - Барс!.. Барс!.. Ко мне!.. - перекрикивая шум состава, заорал я. Мощный рывок. Разгон из последних сил. Отчаянный прыжок собаки... и у ног проводника шумно ухнул кудлатый клубок. Я поспешно захлопнул тяжелую дверь вагона. Перепуганный проводник, бросился из тамбура. Он с лязгом захлопнул за собой дверь переборки. Бедное животное тяжело дышало и дрожало всем телом. Незнакомый шум вагона: лязг сцепки, цокот и скрежет чугунных колёс на стрелках, грохот двери - ошеломили собаку. Я присел и обнял пушистое тёплое тело животного. В груди его ощутимо билось отважное сердце. Темно-карие глаза с благодарностью и нескрываемой тревогой смотрели умоляюще на меня, точно спрашивали: "Можно ли уповать, что опасность снова

потерять друга миновала?" Я осторожно гладил могучую холку собаки. Сомнение: "мой ли это Барс" всё ещё не покидало меня. Я так давно его не видел. Очень часто вспоминал, каким заморышем нашёлся, как он рос, постепенно превращаясь, из беззащитного, беспомощного щенка в могучего, бесстрашного и грозного защитника своей конуры и той дачи, где мы зимовали… Вот и теперь, не смотря на сомнения, я прижимал его к себе всё крепче и думал: "Каких мытарств и приключений стоила ему эта встреча, и какой верностью обладает его благородное, преданное сердце!". Но как он нашёл меня в этом суетном, взвизгивающем, шумном городе, на вокзале? Здесь мы с ним ни разу не были. Это навсегда останется загадкой, ответ на которую знает один только он. Быть может это и к лучшему. Кобель доверчиво положил свою пушистую морду на мои колени и глубоко вздохнул. Какие ещё мысли роились в его голове? - не знаю, но я отчётливо увидел разорванное ухо. Шрам был давний. Мои сомнения окончательно развеялись. Это был мой Барс. - Но как он вырос! - удивлялся я, и тут же поклялся не разлучаться больше с ним никогда.